

Виртуальные исследовательские сообщества: от зарубежных моделей к отечественным примерам

И.Н. Розина,
профессор, д.пед.н., кафедра информационных технологий,
НОУ ВПО Институт управления, бизнеса и права,
пр. М. Нагибина, 33А/47, Ростов-на-Дону, 344068,
тел. +7(863)2234538
rozina@iubip.ru

АННОТАЦИЯ

Осуществление совместных исследований в единой информационно-коммуникационной среде является давней мечтой специалистов и ученых всего мира. В статье представлены разработанные преимущественно зарубежными учеными теоретические подходы и практические исследования формируемых в сообществе взаимоотношений, которые претерпевают серьезные изменения под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Рассмотрены предыстория исследований в области информационного общества, сетевых сообществ, развития интернет-сервисов, зарубежные модели сетевых сообществ и проблемы активности их участников. Показан пример формирования с 2000 года виртуального исследовательского сообщества – Российской коммуникативной ассоциации. Этот процесс развития, основанный на личных мотивах участия для решения познавательных задач осуществляется под влиянием социально-культурных традиций взаимодействия на макро- (международный) и микро- (национальный, локальный) уровнях. Показано, что традиции научного взаимодействия связаны с историей экономического и научного развития страны, а также с особенностями профессиональной коммуникативной сферы.

On-going communication and open dialogue has always been a dream for many scholars in national and international arenas. This paper approaches the virtual research community as a socio-cultural phenomenon and a new type of social reality, which practices computer-mediated communication and manifests itself as a consequence of individual choices and research needs. It brings together perspectives from macro and micro-socio-cultural influences, traditional culture-based characters of interactions, and experiences that are historically rooted in a particular country history or way of development. The theory is applied to the virtual research community, where the history and functioning of Russian Communication Association serves as a case study for detailed analysis.

Ключевые слова

виртуальные исследовательские сообщества, информационно-коммуникационные технологии, профессиональная коммуникация, Российская коммуникативная ассоциация
virtual research community, information and communication technologies, professional communication, Russian Communication association.

Введение

Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) перестают быть инновацией в современном обществе, становятся традиционным источником информации и средством коммуникации. Как результат – социальные изменения под их влиянием сегодня рассматриваются не как революционный, а эволюционный процесс. Большинство исследователей констатируют формирование новой парадигмы взаимодействия в обществе [26; 44; 38; 96; 88]. Новые способы изначально межличностного, а затем группового и массового взаимодействия на

основе ИКТ, в свою очередь, приводят к изменению коммуникативной практики и культуры традиционных социальных сообществ. Нет сомнений в том, что создание и функционирование виртуальных сообществ, преодолевающих географические и межкультурные границы, востребовано различными социальными группами, которые остро ощущают потребность в расширении взаимодействия для познания и творчества, целенаправленного времяпрепровождения и коммуникации. Происходящая на наших глазах трансформация личности и общества в целом, вызванная изменением характеристик ИКТ от массовой среды к опосредованной функции (*from mass media to mediation*), активно обсуждается теоретиками и практиками на протяжении всей истории их развития, начиная с появления персонального компьютера и затем Интернета [3; 19; 22; 38; 44; 61; 70].

Изменение парадигмы взаимодействия в обществе в целом подразумевает аналогичные изменения в академическом сообществе, у которого появляется возможность свободного научного взаимодействия с коллегами не только в рамках своей страны, но и в масштабах всего мира [48; 97; 93; 94]. Согласно исследованиям современного состояния ИКТ, преимущественно для образованной, материально обеспеченной части общества предоставляется уникальная возможность компетентно экспериментировать в этом направлении, в том числе, не дожидаясь экономической и организационной поддержки своих государств, формируя на практике глобальные профессиональные и исследовательские сообщества нового типа.

Развитие информационного общества

С 1960-х годов идея *информационного общества* Фрица Маклупа [57], в котором технологические факторы преобладают над социальными, и аналогичные взгляды на влияние изменений в науке, технике и обществе других исследователей (например, *post-industrial society*, *post-modern society*, *knowledge society*) получили развитие во многих более поздних работах [88; 89]. Среди них можно назвать исследования З. Бжезинского (технотронное общество, технотронная революция) [24], а также М. Пората и М. Рубина [64], Й. Масуды [58] и Р. Каца [52]. Так, по мнению М. Бисерра в прошлом веке можно выделить два противоположных направления исследований, одно из которых направлено на проблемы индустриализации информационной и коммуникативной деятельности (например, Франкфуртская школа), а второе – на проблемы информатизации всех видов продуктивной деятельности, включая индустриальную (информационная модель развития) [20].

Процессы радикальной трансформации коммуникации были предвосхищены в работах М. Маклюэна [59], который рассматривал ее изменение во времени и пространстве согласно с последовательным появлением соответствующих телекоммуникационных устройств (так называемый *технологический детерминизм*, широко обсуждаемый исследователями, см, например, [18; 22; 27; 44; 43; 79]). С этой точки зрения изобретение и освоение обществом таких технологических устройств как телеграф, телефон, радио, кинопроектор, фонограф, телевидение, фотокопировальное устройство, автоответчик, компьютер, видеомагнитофон, CD, голография, сотовый телефон, факсимильная связь, DVD, модем, компьютерная сеть Интернет повлияли на коммуникацию между людьми во всех ее проявлениях (коммуниканты, источник, приемник, канал связи, сообщение, помехи). Введенный Маклюэном термин *global village* стал метафорой для описания появившегося позднее Интернета [22].

Также следует отметить развитие популярной концепции трансформации общества в исследованиях Э. Тоффлера (волнофронтальный анализ социальных явлений, демассификация масс-медиа) [80]. Кроме того, многие исследователи отмечают изменения в различных видах человеческой деятельности, например, в организационной коммуникации [77; 79], а с точки зрения коммуникативных исследований говорят о появлении новой формы электронного взаимодействия – компьютерно-опосредованной коммуникации [19; 18; 51; 14; 79; 82] или социальной информатики и информатики сообществ (*Social Informatics*, *Community Informatics*) [5; 8; 96; 73]. Таким образом, теоретиками и практиками выявлен взаимосвязанный процесс формирования информационного (постиндустриального,

постмодернистского, знаниевого, сетевого) общества, в котором технологии воздействуют на коммуникацию между людьми, а новые технологические возможности взаимодействия формируют сообщество нового типа. К современным обществам, достигших уровня информационного, обычно относят США, Канаду, Японию и страны Восточной Европы [70].

Нельзя сказать, что идеи информационного общества, а также технологического детерминизма и их развитие последователями были безоговорочно приняты всеми исследователями. Так, в начале 1990 годов влияние технологий в России рассматривалось в тесной связи с обретением демократии и свободы [23; 40; 9; 74]. Многие теоретики считают не возможным при помощи технологических изобретений детерминировать изменения в коммуникации между людьми. В последнее время все чаще говорят не о социальном воздействии (*impact*) ИКТ, а о социальном формировании при помощи технологий (*social shaping of technologies, the shape of digital culture*) [38; 44]. В этом случае эпицентром, способным вызвать изменения в технологиях, являются возрастающие потребности людей в новых формах осуществления коммуникации в сообществе (*социальный детерминизм*) [44; 62]. По мнению Р. Фидлера, процесс распространения ИКТ происходит как *медиаморфический процесс* (*mediamorphic process*), когда трансформация коммуникационной среды вызывается сложным сочетанием социальных потребностей, конкурентного и политического давления, поэтому появление технологических изобретений востребовано и предопределено. Это значит, что новая коммуникативная система не появляется самопроизвольно и независимо, она возникает постепенно, благодаря метаморфозу (преобразованию) старой среды. И когда возникают новые формы коммуникации, старые продолжают развиваться и объединяться с возможностями этих новых форм [36]. К аналогичным выводам приходят приверженцы теории социального конструирования технологий (*Social construction of technology, SCOT*) и близких к ним теорий социального конструктивизма и социального конструкционизма [18].

Таким образом, влияние ИКТ, как в свое время других изобретений человечества – электричества, радио, автомобиля, ядерной и водородной бомбы или антибиотиков, можно рассматривать с оптимистичной (см., например, оптимистичные перспективы доступа, участия и интерактивности [68] и перечень *The Utopian View of the Consequence of the Internet* [51]), и пессимистичной сторон (см., например, пессимистичные перспективы доступа, участия и интерактивности [68] и перечень *The Dystopian View of the Consequence of the Internet* [51]). Следует предположить, что истина лежит где-то посередине [16; 38]. Так, например, группа исследователей-психологов под руководством Е.А. Войскунского, несмотря на многочисленные работы по наличию феномена зависимости от Интернета, приходит к противоположным выводам о нейтральности или амбивалентности увлечения деятельностью, опосредованной применением Интернета – познавательной (включая обучение и учение), игровой и коммуникативной [3; 6] (см. также обзоры с аналогичными выводами [99]).

В целом большинство исследователей склонны увидеть скорее преимущества, получаемые обществом от внедрения ИКТ, чем недостатки в осуществлении коммуникации на их основе. Так, Леви говорит о формировании *коллективного разума* (*collective intelligence*), который постоянно увеличивается, координируется в реальном времени членами сетевого сообщества и эффективно влияет на их навыки [56]. Кац и Райс, начиная с первых совместных исследований в 1995 году, доказывают, что Интернет совмещает в себе обе возможности коллективных и индивидуальных форм коммуникации – социальной вовлеченности и межличностной дружбы (*a source of civic organizational involvement and new personal friendship*) и является неким синтетическим соединением возможностей всех современных ИКТ – или синтопией (*syntopia*), как называют его авторы [51]. К аналогичному выводу ранее пришел Мануэль Кастельс, отмечая все большую структуризацию общества вокруг биполярных противоположностей – Сети и личности (*"Our societies are increasingly structured around the bipolar opposition of the Net and the self."* [29]). Если изначально Интернет определяли как *сеть сетей*, то сейчас она становится *средой сред, метасредой* (*metamedium*) или *макросредой* (*macromedium*) ввиду объединения на одной платформе старых телекоммуникаций, межличностной и массовой коммуникации [15; 26].

Всемирный саммит по информационному обществу (World Summit on the Information Society, Geneva, WSIS, Женева 2003 – Тунис 2005) попытался подвести черту под этими спорами ушедшего века, в целом позитивно определив политические и идеологические перспективы развития информационного общества до 2015 года (Женевские Декларация принципов и План действий, Тунисские обязательства и программа). Несомненно, это была первая попытка мирового сообщества выработать единую политику в области построения и развития информационного общества, будь то американская или европейская модели, или модели стран третьего мира [20]. Аналогичным вопросом задалось европейское исследовательское сообщество COST, которое 15 лет назад объявило одним из своих приоритетных направлений исследования в области взаимовлияния ИКТ и общества ("Participation in the Broadband Society" и серия конференций: *The Good, the Bad and the Irrelevant*, Хельсинки, Финляндия, 2003, *The Good, the Bad and the Unexpected*, Москва, Россия, 2007, *The Good, the Bad and the Challenging*, Копенгаген, Дания, 2009)¹.

Исследование сетевых сообществ

Исследования сообществ, формируемых в Интернете, является третьей стадией медиаисследований аудиторий (1920-1950; 1960-1990) [48; 26]. Термин *сетевое сообщество* ввели Ян ван Дейк и Мануэль Кастельс, характеризуя с его помощью новый, сетевой этап в формировании общества (network of networks), подрывающий сложившиеся устои институализации [29; 30; 81]. Свой вклад в концептуализацию этой метафоры внесли группы исследователей Барри Веллмана, а также Хилтца и Туроффа [88; 89; 90; 45]. Вовлеченность пользователей в сетевые (онлайновые, виртуальные, электронные) сообщества рассматривается исследователями также, как и освоение ИКТ, с двух сторон [79]. Отметим, что термин *виртуальное сообщество* введен Говардом Рейнгольдом в 1993 г. в исследованиях сетевого сообщества Whole Earth Electronic Link (WELL) в Сан-Франциско, США [67]. В зависимости от используемых критериев, выделяют разные типы сетевых сообществ, например, по целям объединения: *свободного доступа в компьютерные сети* (FreeNets, Fido); *локальные сетевые (community network); пользователей MOO/MUD; поддержки (support communities); зрительские, создаваемые почитателями (audience community); медиа, формируемые создателями веб-сайтов медиа-индустрии (media communities) и кольца веб-сайтов (Web rings), формируемые для облегчения поиска информации и обмена информационными ресурсами* [18]. Представляют интерес сообщества, формируемые по интересам (*community of interest*), члены которого обмениваются мнениями по поводу событий, на которые они не оказывают непосредственного влияния, и *сообщества обмена знаниями (community of practice)*, члены которого вовлечены в совместную деятельность (термин введен Э. Венгером [93; 94]).

С пессимистичной точки зрения подчеркивается иллюзорность, эфемерность, неустойчивость и легкий разрыв устанавливаемых в сетевом сообществе контактов. Наибольшая критичность в их отношении проявляется в европейских медиаисследованиях сетевых сообществ (культура, экономика и политика) [44]. Некоторые исследователи отрицают влияние Интернета на общество в целом или обвиняют в сдерживании им развития межличностного сотрудничества и доверия, в разрушении «социального капитала» [25; 66; 92], отмечают формирование псевдо-сообществ [21]. Критикуется возможность формирования собственной культуры виртуальных сообществ ввиду их гетерогенности или чрезмерной разнородности объединяющих ее членов интересов. Поэтому, по мнению исследователей, такие сетевые сообщества не могут заменить традиционные, а только поддержать их и содействовать усилению [46; 48; 51; 81]. Традиционные сообщества локального географического масштаба (соседи, коллеги) постепенно разрушаются все более активным использованием средств телекоммуникации. Но прогрессируют географически разрозненные сообщества людей, объединяющихся по своим интересам и использующих

¹ <http://www.cost298.org/>

доступные сервисы Интернета для коммуникации (списки рассылки, группы новостей, чаты, веб-сайты, форумы и пр.) [5; 49; 79].

Оптимистичный взгляд на сетевые сообщества со второй, позитивной стороны также подчеркивает тенденцию к объединению территориально удаленных людей, разделяющих общие интересы. Такие виртуальные сообщества чаще независимы от традиционных, которым остаются функции вынужденного и необходимого локального социального взаимодействия [31; 35; 51]. Эти новые коммуникативные возможности для обмена сообщениями между специалистами были оценены по достоинству уже первыми пользователями компьютерных сетей (ARPANet, BitNet, UseNet, Fido, Minitel), объединявшихся при помощи соответствующих сетевых сервисов (email, mailing list, news groups, BBS, IRC, P2P) в сообщества по профессиональным, научным и личным интересам [38]. Некоторые исследователи пришли к выводу, что сетевые (виртуальные, онлайн) сообщества являются альтернативой или даже преемниками традиционных сообществ, формируются ввиду необходимости преодоления сложных социальных ситуаций (например, территориальная удаленность, проблемы физического здоровья, социальные или политические барьеры) [67]. Так, С.В. Бондаренко считает, что микросоциальные сетевые сообщества являются саморегулирующимися и самопреобразующимися долговременными структурированными объединениями с ограниченным членством, в которых существуют информационные взаимодействия и отношения между его членами [4].

Таким образом, наиболее важным преимуществом, которое предоставляют сетевые сообщества, является доступ к информации, потребность в которой детерминирована сложными социальными ситуациями, когда необходим поиск источников информации для решения различных проблем, как, например, с работой, карьерного и профессионального роста, с миграцией и эмиграцией [17; 50]. Другим преимуществом этих сообществ можно считать возможности сотворчества, креативности, которые развиваются вместе с сервисами Интернета от оффлайн/онлайн технологий до создаваемых совместными усилиями интернет-ресурсов (блоги, вики, подкасты, P2P). Подобные коммуникативные возможности являются предвестником киберкультуры нового, второго поколения пользователей Интернета [39; 40]. Эти и многие другие результаты исследований, проведенных в различных странах мира, показывают преимущественно позитивное отношение пользователей к использованию Интернета в своей социальной и профессиональной деятельности и формированию различного типа сетевых сообществ [51; 100; 88; 89].

В России история сетевых сообществ берет начало от небольших групп ученых и участников совместных проектов на основе компьютерных телекоммуникаций (позднее – Интернета) в начале 1990-х годов до сравнительно значимой аудитории сегодняшних дней [40]. Так, семилетние эмпирические исследования деятельности элитных научных коллективов естественнонаучных институтов РАН (целевые выборки) показали, что чем активнее пользуется ученый ИКТ, тем продуктивнее его профессиональная деятельность. Причем обратная зависимость не выявлена, т.к. активная научная коммуникация не коррелировала с достигнутыми научными успехами [97]. Исследования в психологии, социологии, лингвистике, политологии в период последней декады XX века характеризовались серьезными изменениями исследовательских приоритетов под влиянием новых теорий и методов на основе интернет-технологий и, конечно, мировых информационных ресурсов, которые сравнительно недавно стали доступны не только зарубежным, но и российским ученым [44; 82].

Отметим, что в отечественной информатике конца 1970-х годов использовался термин "*научная коммуникация*" и подход, близкий к современному пониманию профессиональной коммуникации на основе ИКТ, основателями которого являются А.И. Михайлов, А.И. Черный и Р.С. Гиляревский [10, 11]. Этот подход охарактеризован Н. Винером, который считал, что научная коммуникация является основным механизмом существования и развития науки, поэтому ученые должны иметь возможность обмениваться мыслями с другими учеными, чтобы результаты, ставшие классическими в одной области, были известны в смежной области науки [102].

Следует напомнить, что формирование международных сообществ специалистов в России чаще всего происходило не только благодаря расширению интерактивных и познавательных возможностей Интернета, но также активизации некоторых форм межкультурного сотрудничества в 1990-х годах, среди которых можно назвать следующие [103]:

- поддержка исследователей представительствами зарубежных фондов (Фулбрайт, Сорос, Карнеги, Евразия, Британский Совет, IREX и пр.);
- формирование выпускниками этих программ или бывшими соотечественниками внутривузовских международных центров, работа которых носила чаще всего бессистемный образовательный и/или исследовательский характер.

Так, благотворительный Фонд Сороса (Soros Foundation) в период с 1987 по 2003 оказал крупнейшую для негосударственных некоммерческих структур помощь, потратив на поддержку российских ученых \$721 млн. (соросовские гранты) [87]. Нельзя не согласиться с Е. Пенской, что, несмотря на формальное увеличение количества приглашенных профессоров в Россию (к началу 2000-х годов оно возросло в 17,5 раз), качественного улучшения научной коммуникации и соединения западной и российской модели образования не произошло. Поэтому адаптирование и развитие интернет-технологий для целей научной коммуникации с зарубежными специалистами, систем поиска необходимой научной информации и повышение осведомленности в последних научных достижениях являются немаловажными факторами интереса к ИКТ отечественных профессиональных сообществ.

Развитие интернет-сервисов и их исследований

Исследованиями Интернета и сетевых сообществ интересуются специалисты из многих областей знаний, таких как психология, лингвистика, социология, философия и др. Наибольшая эффективность, несомненно, достигается на стыке этих наук, кроме того, появляются новые научные направления, претендующие на целенаправленное исследование Интернета или определенных его сторон в качестве объекта (например, компьютерно-опосредованная коммуникация, лингвистика Интернет, киберкультура [18; 41; 39; 40]. Барри Веллман выделяет в этих исследованиях три периода [91], характерных и для истории развития Интернета в России [104; 82]:

- середина 1990-х – оптимистичный период в оценке потенциала Интернета;
- начало 2000-х – период разочарований и попыток взвешенных оценок возможностей Интернета;
- современный период – поворот к предметному анализу позитивных и негативных сторон Интернета.

Заметим, что в течение этого времени Интернет в целом и его сервисы последовательно изменяют свои информационные и коммуникативные возможности. Так, интернет-сервисы, начавшись с электронной почты и BBS, прошли долгий путь к современным онлайн-овым и сетевым технологиям:

- *электронная почта* (email R. Tomlison; 1971);
- *доски объявлений (BBS Ward Christensen, 1978);*
- *группы новостей* (newsgroups, Usenet, Jim Ellis, Tom Truscott и Steve Bellovin, 1980);
- *списки рассылки* (mailing lists, BITNet, Ira Fuchs и Greydon Freeman, 1982);
- *P2P* (Wayne Bell, 1987);
- *чаты* (IRC, Jarkko Oikarinen, 1988);
- *WWW* (Т. Berners-Lee, 1989).

Существенное влияние на коммуникацию оказали интерактивные диалоговые формы (form) и гостевые книги (guest book)[40]. В 1995 году появляются первые *социальные сети* (classmates.com), а затем *вики* (1995), *блоги* (1997), *живые журналы* (1999, Brad Fitzpatrick) и *подкасты* (2002). Начиная с 2005 года идет развитие

технологии Web 2.0, значительно изменившей структуру коммуникативного взаимодействия в компьютерных сетях [100].

Обзор развития технологий в Советском Союзе, а затем в России представлен в работах Л. Грэхема [42], в исследованиях С. Герович, в которых анализируются изменения стиля речи технических специалистов, переход от старых к современным моделям профессионального мышления и принятия решений [37]. Назовем также аналитическую статью А. Боулс, в которой прослеживаются изменения аудитории интернет-пользователей в России от технически образованных знатоков начала 1990-х годов (интернет-элита) до сегодняшних новичков-любителей, далеких от ИКТ [23]. Хронология основных событий развития Интернета в России в период 1990-1999 годов отражена в его истории, составленной Евгением Горным [105]. Отметим также группу исследователей (филологов, культурологов, медиа-исследователей, социологов и этнологов) проекта Russian-cyberspace.org, изучающих русский Интернет (Рунет) [71]. Такой междисциплинарный, мультиязыковой подход (материалы на английском, русском и немецком языках) позволяет познакомиться широкую аудиторию с результатами исследований по сетевой культуре и литературе, политике и социальному развитию Рунета. Отметим, что исследования проводились не только на территории России, но и за ее пределами, т.к. русскоязычные ресурсы, их создатели и активные пользователи разбросаны по всему миру. Подобные региональные и на их основе международные сравнительные исследования сегодня востребованы, как для понимания перспектив развития ИКТ в национальном масштабе, так и на европейском и мировом уровнях [5; 44].

Анализ социальных изменений отечественной интернет-аудитории, социологическую оценку которой на регулярной основе производят различные отечественные и зарубежные организации (например, NUA Internet Surveys, Фонд «Общественное мнение», Spylog, Internet World Stats и др.), приводится в работах Ю. Перфильева, группы А. Войскунского [13; 83]. Как отмечают исследователи, данные этих агентств чаще всего невозможно сопоставить, т.к. они используют различающиеся статистические методы, терминологию и аудитории, что вызвано, в том числе практическими проблемами проведения сетевых социологических исследований [22; 83; 82]. Тем не менее, они дают представление о динамике и тенденциях изменений. Так, из примерно 6,7 млрд жителей планеты Интернетом пользуются около 23,5%, согласно статистике Internet World Stats 2008 года [47]. По последним данным опроса Фонда «Общественное мнение» на лето 2008 года по проценту пользователей Интернета Россию обгоняют такие страны как Австралия, Великобритания, Германия, Франция, Испания и Италия (от 75 до 51 %). В России Интернетом пользуются 30% населения от 18 лет и старше, но активное ядро тех, кто ежедневно выходит в Интернет составляет 14%. На конец 2007 года, согласно данным Computer Industry Almanac, они составляют 2,3% от интернет-пользователей в мире (для сравнения: США – 16, Китай – 11,9, Япония – 6,9, Индия – 6,6, Германия – 3,8% от числа пользователей в мире) [78].

Исторически сложившаяся характерная для экономики России централизация отражается также на значительном числе пользователей в Москве и в Санкт-Петербурге. Например, в Москве Интернетом пользуется 58% населения, а в территориальных округах – от 38% в Северо-Западном до 23% в Сибирском округе. *Цифровое неравенство* между Москвой и остальными городами, областями и округами отражает существенное отставание в социальном, экономическом и культурном развитии регионов, удаленных от Москвы (см. также анализ увеличения неравенства в проекте развития информационного общества WISI [20]). Даже в Центральном округе вокруг Москвы – 26% пользователей Интернета. Тем не менее, согласно теории диффузии инноваций Эверетта Роджерса, в России и мире Интернет как инновация уже почти преодолела 16% барьер числа его пользователей («пионеры» 2,5% плюс «ранние адаптеры» 13,5%), после которого дальнейшее освоение технологии в обществе продвигается гораздо активнее [69].

Российский сегмент Интернета – Рунет (RuNet) представлен доменом RU (а также доменом SU) и демонстрирует высокий темп роста наравне с китайским доменом CN, что напрямую связано с увеличением числа пользователей Интернета в наших странах. Несмотря на то, что среди двухбуквенных доменов (ccTLDs) лидируют Германия, Великобритания, Китай, Европейский союз и Нидерланды, которые аккумулируют 55% всех доменов ccTLDs, российский домен занимает в

последние годы 13-12 место, преодолев миллионный рубеж в середине сентября 2007 года. Появление Интернета в период значительных социальных, политических и экономических изменений в начале 1990 предоставило его пользователям новые возможности реализации профессиональной и личной свободы. Тем не менее, значимое с точки зрения продвижения технологии число пользователей Интернета зарегистрировано только в период 2000-2005 годов. Ввиду низкого уровня владения россиянами иностранными языками, для большинства пользователей в России немаловажно, что для навигации по Интернету и получения информации все меньше требуется знания английского языка (русифицированный интерфейс программ, русскоязычные ресурсы). Эти тенденции появления многоязычия в Интернете характерны не только для RuNet, но и для других стран, не использующих широко английский [32; 33; 79]. Исследователи отмечают проявление на пространстве Рунета особенностей национального коммуникативного поведения (неформальный стиль общения, коллективизм – создание коллективных блогов, несоблюдение авторского права – формирование бесплатных электронных коллекций текстов) [74]. Несомненно, нельзя не согласиться с Т. Гиллспи, что такие характеристики общества, как уважительное отношение к авторскому праву характеризуют зрелость той или другой национальной культуры (“Copyright is at the heart of cultural policy...” [38]).

Начиная с 1980-х годов большое влияние на понимание происходящих изменений в коммуникации, оказали исследования в различных научных областях, таких как экономика, социология, психология. Очень часто *психологические* исследования опираются на *социально-когнитивную* (культурно-историческую) *конструктивистскую* теорию Л.С. Выготского [84, 85]. В ней уделяется внимание социальной ситуации развития человека, переходу от внешних, социальных, развернутых, коллективных форм взаимодействия к внутренним, свернутым, психическим, индивидуальным. Самая известная теоретическая концепция Выготского – *зона ближайшего развития* (zone of proximal development), которая применима для понимания процессов в сетевых сообществах. Умения решать проблемы, по Выготскому, можно распределить на три категории. Некоторые проблемы могут быть решены самостоятельно. Другие не могут быть решены даже с чьей-либо помощью. Между этими двумя крайностями находятся умения, которые можно реализовать при помощи других: с их помощью можно развивать умения, которые затем могут быть применены самостоятельно. Одни из первых психологических исследований в России в рамках этой концепции – анализ вербального поведения участников компьютерно-опосредованной коммуникации (группы новостей, совместный советско/российско-американский проект и пр.) показали использование ими телелогов, включающих диалоги, монологи и полилоги (терминология, заимствованная из социолингвистики) [82].

Немаловажными для понимания проблем опосредованной коммуникации стали классические *лингвистические* исследования в *семиологии* [43], *структурализме*, а также в *дискурс-анализе*, которые выделили определяющую роль текста как источника смысла, и читателя, как интерпретатора текста. При этом надо отметить, что чаще всего современные последователи этих лингвистических направлений не отрицают влияния ИКТ, но рассматривают технологии передачи сообщений вторым планом по отношению к выбранной системе символов, в том числе визуальных. Аналогичные акценты превалирования влияния общества над детерминизмом технологий рассматривают теоретики *постмодернизма*. Так, современные лингвисты констатируют появление в Интернете *сетевого языка* (netspeak, e-language, netlingo, e-talk, geekspeak, weblish) и *языковой* или *виртуальной личности* (language identity) [19; 32; 33; 40; 79].

В ключе постмодернизма представлены исследования различных аспектов культурных и социальных событий в русскоязычной части Интернета – Рунете (RuNet) соавторов книги “*Control and Shift*” [2006]. Сюда вошли описания литературных и журналистских проектов, анализ мужского и женского стилей в форумах и блогах, гендерных различий персональных страниц, самопредставление виртуальной персоны, эстетики визуальных образов сайтов, типологии экспертных сообществ и пр. Отметим также сравнительные исследования сетевого дискурса пользователей различных интернет-сервисов, выполненные отечественными лингвистами: А.А. Атабековой [2], Е.Н. Галичкиной [7], Е.И. Горошко [41], Н.

Моргун [12], Г. Трофимовой [106] и др. Исследования языков коммуникации в Интернете обнаруживают тенденции к многоязычию [32; 33; 34], в котором все больше проявляется роль русского языка.

К формированию русскоязычных ресурсов и общению на русском языке в Рунете обнаруживают интерес не только русскоговорящие, проживающие в странах бывшего Советского Союза, но также эмигранты в других регионах мира (США, Израиль, Канада, Германия, Финляндия, Новая Зеландия, Австралия и др.), которых можно причислить к русскоязычной *цифровой диаспоре* (digital Russian Diaspora) [75; 104]. Эту диаспору можно условно разделить на две группы, одна из которых, старая, представляет собой перебравшихся на постоянное проживание в зарубежные страны (эмигранты), а вторая, новая – русскоговорящих пользователей Интернета, продолжающих проживать в бывших советских республиках [72; 75]. Видимо можно согласиться с мнением Евгения Горного, что Рунет представляет собой явление скорее культурного, чем географического порядка [40].

Так, взаимодействие заинтересованных в сотрудничестве русскоязычных специалистов из разных стран приводит к формированию статичных (cold) интернет-ресурсов и динамичных интернет-сервисов (hot) [55]. Хотя русский язык постепенно начинает завоевывать пространство Интернета, сегодня он замыкает десятку самых популярных языков, в которой лидируют английский, китайский, испанский, японский, немецкий, французский, корейский, итальянский и португальский (данные Global Reach на сентябрь 2004 года [107]). Кроме того, идет процесс представления в Интернете других национальных языков, в большей мере тех из 23, которые являются официальными наравне с русским языком в некоторых субъектах Российской Федерации. Так, при численности населения России 142,4 млн (данные на 2002 год), подавляющее большинство из которых говорят на русском языке, значительное число россиян пользуется и другими языками. Среди них восемь являются наиболее массовыми (больше, чем 1 млн жителей): английский (6,9 млн), татарский (5,3 млн), немецкий (2,9 млн), украинский (1,8 млн), башкирский (1,4 млн), чеченский (1,3 млн) чувашский (1,3 млн) [65]. По-видимому, можно ожидать их влияние на появление многоязычия в Рунете.

Модели сетевых сообществ

Для моделирования и каталогизации существующих сетевых сообществ можно использовать разные признаки. Так, если учитывать два фактора: 1) членство (формальное, неформальное или отсутствие такового) и 2) свобода доступа, интерактивность и участие (или только доступ и интерактивность), то можно условно выделить четыре модели [28]. Первая модель включает традиционные организации с членством, которые поощряют привлечение новых участников к их сетевой деятельности (например, National, International, Russian Communication Associations). Вторая модель включает организации без наличия членства, заинтересованные в привлечении членов других организаций и предоставляющие им возможности доступа и взаимодействия в рамках деятельности этой организации (например, издательства журналов). Третья модель также представляет собой организацию с членством, которое дает возможность участия в некоторой специфичной внешней деятельности через свою структуру (например, SPACE, Community Wifi). Четвертая модель тоже представляет собой организации без членства, которые дают всем желающим возможность формирования содержания созданной ими структуры (например, MySpace, Facebook и “ВКонтакте”, Flickr, YouTube, LinkedIn и Профessionалы.ру, Passado/Wasabi и Одноклассники.ру). Все эти модели предполагают не столько активное взаимодействие внутри организации, с ее руководящим ядром, сколько направлены на привлечение внешних пользователей для объединения и предоставления им средств коммуникации.

В исследовании Макмиллана выделены три типа интерактивности: между двумя пользователями (user-to-user), пользователем и документом (user-to-document) и пользователем и системой (user-to-system), по которым он строит соответствующие модели. В первом случае рассматриваются коммуникативные модели с однонаправленным и двунаправленным каналами с высоким и низким уровнем контроля со стороны получателя сообщения, которые представлены

соответствующими интернет-сервисами (электронная почта, веб-сайт, чаты, ICQ). Во втором случае рассматривается пассивная и активная аудитории с высоким и низким уровнем контроля со стороны получателя сообщения, где участники могут только запрашивать или получать пакеты документов, обмениваться контентом или выступать со-авторами содержания (электронные газеты и журналы, рассылка запрашиваемых материалов с веб-сайта, BBS и блоги). В третьем типе интерактивности при построении модели рассматриваются видимый или невидимый интерфейс и контроль со стороны человека или компьютера (веб-формы, базы данных, адаптивные обучающие системы и системы виртуальной реальности) [60].

Модель жизненного цикла участия пользователей на веб-сайте разработана Э. Ким [53]. Пользователи начинают свое вхождение в виртуальное сообщество как гости или наблюдатели (*lurkers*). Затем, преодолевают некий психологический коммуникативный барьер и становятся новичками, активно участвуя в жизни сообщества. После сравнительно длительного периода времени они переходят в статус постоянных участников. Возможно также преодоление еще одного коммуникативного барьера, когда они становятся лидерами, входящими в руководящее ядро. Такие виртуальные сообщества могут строиться на основе не только веб-сайтов, но и любых интернет-сервисов, как, например, BBS, блоги или вики. Аналогичная модель вхождения участников в виртуальное сообщество, основанная на принципе *приемлемой периферии участия* (*legitimate peripheral participation*), представлена в работах Э. Венгера. Модель включает пять траекторий движения участников в сообществе [93; 94]:

- периферийная – для наблюдателей (*Peripheral – Lurker*), которые не вносят своего вклада в ресурсы сообщества;
- вхождения – для новичков (*Inbound – Novice*), которые пробуют внести какой-либо вклад и деятельность сообщества;
- внутренняя – для постоянных участников (*Insider – Regular*), которые активно участвуют в деятельности сообщества;
- пограничная – для лидеров (*Boundary – Leader*), которые осуществляют взаимодействие с участниками, проявляют себя в концептуальных идеях, корректируют проблемы взаимодействия в сообществе;
- отчуждения – для покидающих сообщество участников (*Outbound – Elder*), неважно по какой причине, но переключившихся на другую деятельность или ушедших в другое сообщество.

Еще одна модель, рассмотренная в работе Р. Лейбова, разделяет сообщества по создаваемым его участниками ресурсам на «холодные» (*cold*), формирование которых возможно с использованием таких технологий как FTP, и «горячие», совместное создание которых началось на стадии технологий электронной почты, списков рассылок, групп новостей и чатов. Но ситуация сильно изменилась с появлением технологии WWW, которая постепенно вобрала в себя другие технологии, начиная с диалоговых форм и гостевых книг до живых журналов и вики-сообществ. Несомненно, что эффективная работа в современных сетевых технологиях требует навыков коллективной коммуникации, умений классификации информации и пр. [55; 101].

Учет различий процесса коммуникации при использовании всевозможных интернет-сервисов (например, WWW, электронная почта, чат, блог) позволяет адаптировать к ним известные коммуникативные модели взаимодействия (например, линейная Аристотеля, телекоммуникационная Шеннона-Уивера, циркулярная Осгуда-Шрамма, социальная транзакционная) [18; 14]. Кроме того, возможно моделирование коммуникативных ситуаций, реализуемых в интернет-сервисах, по числу участников (один к одному – электронная почта, многие ко многим – списки рассылки, многие к одному и один ко многим – веб-сайт) [14]. Учет пространственно-временных характеристик интернет-сервисов позволяет выделить четыре модели: одно и то же время и виртуальное местонахождение (чат, белые доски видеоконференцсвязи); одно время – разное местонахождение (ICQ, видеоконференцсвязь, интернет-телефония); разное время – одно (виртуальное) местонахождение (форум, гостевая книга, блоги, журналы); разное время – разное местонахождение (электронная почта, список рассылки, группы новостей) [18; 14].

Эволюция изменений в коммуникации иллюстрируется моделями социальной среды и ролью ее участников, представленными в постере Management Innovation Group [63]:

- «Мы говорим тебе» (We tell you – email, web-site, mailing list и пр.): ключевая роль автора, модель один ко многим.
- «Скажи нам, что ты думаешь о том, что мы говорим тебе» (Tell us what you think of what we tell you – forum, rating, comments и пр.): взаимодействие между автором и респондентами, модели один ко многим и многие к одному.
- «Каждый говорит другому» (Tell each other – collaborative group, society и пр.): ключевая роль со-авторов, модель многие ко многим.

Отметим, что виртуальное местонахождение пользователя связано с субъективным ощущением присутствия, создаваемым компьютерно-опосредованной коммуникацией, которое получило название *presence* или *telepresence, net presence – эффект присутствия* и может относиться как к переживанию собственного ощущения, так и к восприятию присутствия в пространстве других людей. Следует отметить, что некоторые исследователи считают, что Интернет не изменяет существенно социальные модели коммуникации, скорее создает другой, нереальный мир, не связанный с действительностью, в котором разыгрываются другие социальные роли, формируются интегрированные или идеализированные индивидуальности [18; 44; 79; 95].

Проблемы активности участников

Вопросы активности участников сетевых сообществ являются едва ли не самыми сложными в компьютерно-опосредованной коммуникации. Исследователи отмечают большую активность участников в использовании информационных ресурсов по сравнению с групповыми, диалоговыми технологиями коммуникации [14]. Под активностью мы понимаем деятельность участников сообщества, которая включает самостоятельный поиск и обработку средствами ИКТ различных источников информации для формирования собственного знания (т.н. *конструктивизм*). Под пассивностью понимается, соответственно, минимально реализуемая деятельность по предписанным правилам и рекомендациям (т.н. *конструкционизм*). Так, большинство участников форумов являются пассивными читателями сообщений, не реализующими коммуникативные возможности технологии для публикации комментариев на обсуждаемую проблему [67]. Тем не менее, нельзя сказать, что такие «молчуны» не формируют свои знания, т.к. не вовлечены в обсуждение. Некоторые из них поддерживают межличностную коммуникацию, в которой представляют собственное мнение на проблему. Причинами такой пассивности могут быть технические (например, незнание технологии, медленный набор текста), организационные (например, лимит времени, запаздывание с ответом) или психологические проблемы (например, длительная социализация, низкая мотивация). Но подобные проблемы повышения мотивации, побуждения к активности характерны и для традиционных организаций, например, в педагогических коммуникативных ситуациях [101; 95], в формировании эффективной обратной связи в организационных процессах (валентность, своевременность, частота случаев, конкретность, сенситивность, восприимчивость, отзывчивость) [9].

Мотивы и барьеры участия в виртуальных сообществах, как показывают исследования, зависят от многих факторов. Так, начиная с первых групповых интернет-сервисов и проектов (Usenet, 1980; WELL, 1985; чаты на AOL) группами ученых осуществляются интенсивные исследования мотивации пользователей. Например, Коллок и Смит выделили три мотива, которые в некоторых случаях трудно разделить: ожидаемое взаимодействие в получении информации (*anticipated reciprocity*); возрастающее признание вклада в деятельность группы (*increased recognition*) и чувство эффективности осуществляемых действий по развитию среды взаимодействия (*sense of efficacy*) [54]. Чувство принадлежности к сообществу также играет важную роль в мотивации пользователей, причем ценность сообщества возрастает прямо пропорционально квадрату числа его участников, согласно эвристическому закону Меткалфа [76].

Исследования группы А.Е. Войскунского выделили следующие виды мотивации пользователей Интернета: деловая, познавательная, сотрудничества, самореализации, рекреационная и игровая, аффилиативная, самоутверждения и коммуникативная. Соответственно, эта полимотивированность проявляется в направленности деятельности пользователя Интернета, такой как познание, сотрудничество, помощь другим, интеллектуальная и творческая самореализация, поиск единомышленников, стремление найти свой круг общения и социальное самовыражение. Причем данные исследования продемонстрировали уменьшение мотивов делового и профессионального характера и увеличение коммуникативного, корпоративного и творческого интереса [83]. Эти данные хорошо согласуются с результатами других исследований (см., например, [18; 40; 108]).

Согласно *потокковой теории (flow theory)* в приложении к компьютерно-опосредованной коммуникации продолжение или окончание коммуникации в любой момент может быть охарактеризовано четырьмя последовательными состояниями: *контролем, вниманием, любознательностью и внутренним интересом* [18]. По-видимому, таким внутренним интересом можно пояснить значительный дисбаланс между полученной и отправленной информацией (39:2), выявленный в исследованиях научных коллективов институтов РАН [109]. В исследованиях М. Чиксентмихайли и его коллег используется термин "поток" наравне с аутотелическим опытом, которым испытуемые обозначают ощущения во время работы и характеризуют потерей чувства времени, власти и компетентности, вызовом собственным знаниям и возможностям [110]. Термин (аутотелический) составлен из древнегреческих слов *autos* (сам) и *telos* (цель), то есть несущий цель в самом себе, а его противоположность обозначена термином *экзотелический*, то есть побуждаемый исключительно внешними причинами [82; 83]. В этой концепции опыт потока дает участникам сетевых сообществ чувство открытия, творческого ощущения переноса в новую реальность, что приводит к позитивно характеризующей привязанности и, как результат, – зависимости от созидательной сетевой деятельности [40].

Еще в 1978 г. социолог Роксана Хилтц (Starr Roxanne Hiltz) и компьютерный специалист Мюррей Тьюрофф (Murray Turoff) опубликовали свои изыскания в книге *"The Network Nation: Human Communication via Computer"*, в которой анализировалось деловое использование электронной почты. Авторами отмечено, что начинающий пользователь при наличии более чем скромной текстовой коммуникации, ввиду отсутствия привычных элементов невербальной коммуникации (*reduced social context cues, cues-filtered-out*), испытывает неудовлетворенность и пытается сопроводить письменную коммуникацию визитом или телефонным звонком. Чем опытнее пользователь, тем больше развиваются у него умения по приспособлению к этой среде и понимание, что эта среда имеет множество ранее недоступных преимуществ [45; 19]. В более поздних исследованиях (1992–1998) по стратегии преодоления социальных и эмоциональных недостатков в компьютерно-опосредованной коммуникации, построения эмоционально насыщенных социальных отношений называют такие феномены, как *редукция атрибутов власти и иерархических отношений (power reduction)*, *"наезды" (flames или flaming)*, *сверхатрибуция (over-attribution)*, *механоморфизм (mechanomorphization)*, *социальная дезорганизация (social disorganization)*, *гендерный коммуникативный стиль (gender-specific communication style)* (см. обзоры [1; 19]). Результатом упомянутых феноменов может стать преувеличенное, гипертрофированное отношение к партнерам по опосредованной коммуникации, например, т.н. *гиперперсональная коммуникация (hyperpersonal communication)* или *избирательная самопрезентация (self-selected presentation)*, когда партнер идеализируется или для самопредставления выделяются только позитивные стороны личности [86; 95].

Поддержка *интерактивной* составляющей взаимодействия в сетях является одной из значимых характеристик эффективной компьютерно-опосредованной коммуникации. Эту характеристику относят к взаимодействию между людьми, а также между пользователями и информационными ресурсами и чаще всего ассоциируют с метафорой спирали коммуникации, предложенной Ф. Дэнсом (Frank Dance) в 1967 г. [18]. Согласно Дэнсу, коммуникация непрерывно возвращается к предыдущему опыту, который, в свою очередь, воздействует на будущую коммуникацию, что актуально для компьютерно-опосредованной коммуникации, при которой взаимодействие строится

по прошествии некоторого времени и через постоянный обмен сообщениями.

В теории организующих процессов (*theory of organizing*) К. Вейк использует идею *двойного взаимодействия* (*double interact*) – это коммуникативное взаимодействие, которое обеспечивает согласование, координирование действий и таким образом организует, упорядочивает, завершает социальные коммуникации, способствуя возникновению взаимопониманию [111]. Двойное взаимодействие (двойная обратная связь или интеракт) включает три последовательных действия: обращение одного коммуникативного партнера (1) – ответ на него другого партнера (2) – ответ первого партнера (приспособление) на ответное действие второго партнера (3). Эта идея согласуется с наиболее часто используемой схемой коммуникации в информационно-коммуникационной среде, когда автор сообщения задает вопрос, получатель отвечает, автор подтверждает получение ответа и дает его оценку. Несомненно, ни одно из звеньев этой цепи не должно отсутствовать, в противном случае участники коммуникативного процесса лишены полной уверенности, что они поняли друг друга и их взаимодействия согласованы и завершены.

Российская коммуникативная ассоциация, как виртуальное исследовательское сообщество специалистов

Целью создания Российской коммуникативной ассоциации (РКА) являлось предоставление среды для взаимодействия российским и зарубежным исследователям, которые изучают коммуникацию и преподают различные коммуникативные дисциплины. Для такой огромной страны, как Россия, ранее имевшей признанные в мире научные традиции и достижения, использование ИКТ является осознанной на государственном уровне (программы компьютеризации, информатизации, модернизации науки и образования) и личностно мотивированной необходимостью. ИКТ позволяют интегрировать ресурсы, знания, опыт и компетенции участников сообщества на начальном этапе его формирования, а также увеличивать и создавать новые ресурсы в дальнейшем по мере развития сообщества. Так, первым шагом на пути формирования РКА стали адресные приглашения известных ученых из различных университетов и городов России, компетентных в коммуникативных исследованиях в рамках своей дисциплины (преимущественно в лингвистике и филологии), готовых поделиться своими идеями по их развитию. На этих договоренностях было сформировано активное интеллектуальное ядро сообщества (под руководством первого Президента РКА О.И. Матяш). Для взаимодействия и привлечения новых участников с 1999 года начал формироваться список рассылки, который и на сегодняшний день в несколько модифицированном варианте является наиболее мощным коммуникативным инструментом нашего сообщества.

Следующим коммуникативным инструментом и средой информационного взаимодействия стал веб-сайт РКА, который был запущен в марте 2003 года (<http://russcomm.ru>) и поддерживается на волонтерской основе веб-редактором сайта. Организационная структура веб-сайта была разработана Координационным советом и включает текущие новости в широком спектре коммуникативных областей, библиотеку электронных ресурсов (опубликованные статьи, сборники, диссертации, рефераты статей зарубежных авторов, аннотации журналов и книг и пр., размещаемые с разрешения правообладателя), подборки ссылок на релевантные ресурсы, анонсы проектов, личные страницы известных ученых и т.д. Сайт позволил расширить рамки участия заинтересованных специалистов, благодаря свободному доступу пользователей Интернета, случайно или целенаправленно попадавших на наш сайт. На начальном этапе сайт скорее всего представлял собой классическое отражение структуры организации с вертикальным информационным потоком ввиду пассивности читателей веб-сайта и подписчиков на списки рассылки, для которых эти технологии облегчали поиск тематически подобранной информации и позволяли отслеживать инициированную ядром ассоциации научную деятельность. Только активное вовлечение в совместную деятельность членов РКА (формирование содержания сайта, Бюллетеня РКА, журналов РКА, подготовка и проведение конференций, школ, семинаров, реализация совместных проектов), а также

заинтересованных посетителей сайта и подписчиков на списки рассылки, согласно Э. Венгеру позволяет говорить об изменении статуса виртуального сообщества. В этом случае происходит переход от сообщества интересов, члены которого не оказывают непосредственного влияния на события в коммуникативной области науки и образования, к сообществу обмена знаниями, члены которого участвуют в совместной научной исследовательской деятельности [93; 94; 18]. Тогда можно говорить о сообществе современного, горизонтального и сетевого типа, в котором реализуются и поощряются информационные потоки разных направлений [9].

Возможно, в нашем конкретном случае РКА можно причислить ко первой модели сетевого сообщества, согласно Н. Карпинтеру [28], т.к. имеется членство и поощряется привлечение в сообщество новых участников через информацию на веб-сайте и проекты, а также о гибридной модели сообщества обмена знаниями (традиционного и виртуального). Если на первом этапе только отдельные, наиболее активные представители кафедр университетов являлись членами РКА и создателями электронных ресурсов (содержимого веб-сайта, сообщений списка рассылки), то немного позднее началось привлечение локальных сообществ (кафедр, факультетов, университетов) для подготовки традиционных научных событий и ресурсов (журналы, сборники статей, материалы конференций). Краткий обзор созданных ими ресурсов размещается на сайте РКА, материалы анонсируются в списках рассылки. Причем некоторые материалы размещаются в полнотекстовом формате (отдельные статьи, сборники, журналы, преимущественно не имеющих или потерявших коммерческую ценность, а также по желанию правообладателей). Таким образом, старые формы научной коммуникации объединяются с возможностями новых форм за счет связи между традиционными печатными научными материалами и их электронными аналогами в рассылках и на веб-сайте (полнотекстовый или реферативный форматы).

Несомненно для членов сообщества преимущества, которые они получаем, когда информационно-коммуникативная среда становится макросредой для коллективного формирования высококачественных профессиональных ресурсов из смежных областей наук и решения актуальных исследовательских задач в своей научной области. Традиционное научное взаимодействие усиливается и обогащается возможностями виртуального сообщества. Так, в реализации профессиональных задач по различным прикладным направлениям (например, реферирование журналов ИСА, рецензирование различных номинаций книжного конкурса) участвуют многие локальные группы специалистов (преимущественно кафедры университетов). Результаты их работы объединяются в общедоступный информационный ресурс (например, рефераты статей журналов ИСА в электронной библиотеке РКА) или визуализируют широкомасштабный процесс оценки конкурсных заявок книжного конкурса (экспертные группы и решения жюри).

К формированию собственной культуры виртуального исследовательского сообщества можно отнести совместное создание инструкций, положений, критериев, правил для осуществления проектной деятельности (сборники статей, журналы, партнерские связи, конкурсы, конференции). Несмотря на разнородность профессиональных интересов и уровень компетенции в менеджменте, групповой коммуникации, ИКТ входящих в сообщество представителей, в том числе из стран ближнего и дальнего зарубежья, в ходе обсуждений можно найти компромиссные решения заинтересованных в конструктивном диалоге сторон. Для этих целей используются обсуждения с помощью сообщений электронной почты, приглашения через сообщения списков рассылки и диалоги по интернет-телефонии, а также традиционные встречи лицом к лицу. Таким образом, нами были сформированы инициативные группы, осуществляющие реферирование журналов ИСА (кафедры университетов Москвы, Волгограда, Воронежа, Хабаровска), группы экспертов и рецензентов кафедр и факультетов университетов ежегодного книжного конкурса РКА (11 групп 2007 году, 15 в 2008, 23 в 2009), группы переводчиков (специалисты из Москвы, Волгограда, Ростова-на-Дону, Казани, Новосибирска, Екатеринбурга, США).

Несомненно, что формированию виртуального исследовательского сообщества в России способствовало сотрудничество с близкими по целям и задачам профессиональными ассоциациями, среди которых Национальная коммуникативная ассоциация (National Communication Association, NCA, США, партнерское

соглашение с 2001 года), Международная коммуникативная ассоциация (International Communication Association, ICA, США, с 2005 года), Европейская ассоциация коммуникативных исследований и образования (European Communication Research and Education Organization, ECREA, с 2007 года). Наиболее существенную помощь в развитии международного сотрудничества РКА оказывает Северо-Американская Российская коммуникативная ассоциация, СА РКА (North-American Russian Communication Association, NA RCA, зарегистрирована в 2005 году). Ее созданию способствовало изменение в российском законодательстве закона об общественных организациях с запретом участия в них иностранных граждан, а предшествовало тесное сотрудничество с заинтересованной группой американских профессионалов в области коммуникации, которые помогали в формировании РКА (конференции, книжный проект) и выступали посредниками в международном сотрудничестве на начальном этапе. Сегодня это равноправные партнерские связи, приносящие взаимное интеллектуальное обогащение и реализующиеся на условиях паритетного участия в совместно осуществляемых проектах (Russian Journal of Communication, слоты на конференциях NCA и ICA).

Кроме того, осуществляются тесные партнерские связи с несколькими отечественными общественными организациями, среди которых Межрегиональная общественная организация «Информация для всех» и Ассоциация кинообразования и медиапедагогики России. Таким образом, виртуальное исследовательское сообщество является двуязычным (русский и английский), так как включает не только русскоговорящих представителей других стран (эмигранты, жители бывших советских республик), но и англоговорящих представителей США и Европы. Это сотрудничество позволяет объединять ресурсы организаций для реализации научной деятельности (партнерские соглашения), расширять рамки социальной ситуации профессионального развития согласно упоминавшемуся конструктивистскому подходу Л.С. Выготского.

Выводы

Сегодня можно говорить об эволюционном процессе формирования нового типа коммуникативного взаимодействия в сообществе в целом и в научно-исследовательской деятельности в частности благодаря использованию возможностей ИКТ. Опосредованное ИКТ взаимодействие ученых осуществляется на основе виртуальных (сетевых) исследовательских сообществ, которые на практике демонстрируют возможности международного, национального и локального сотрудничества его участников. Потребность ученых в опосредованном ИКТ взаимодействии проявилась, начиная с первых экспериментов с компьютерными и сетевыми технологиями, и постоянно возрастает по мере изменений технологической, экономической и политической ситуации в стране.

Оптимистичные взгляды на ИКТ среди исследователей превалируют над пессимистичными. Исследователи говорят о формировании *коллективного разума*, соединении коммуникативных возможностей (*синтопии*), формировании мета или макро-среды эффективного взаимодействия. Исследователи (социальный конструктивизм и конструкционизм) усматривают в процессе распространения ИКТ вызов социальных потребностей. Критичность проявляется в недоверии к подобным разнородным по интересам сообществам, как неустойчивым и неэффективным.

В исследованиях сетевых (виртуальных) выполнена их каталогизация по различным принципам, например, как сообществ по интересам (*community of interest*), обмена знаниями (*community of practice*), которые оказывают наибольшее влияние на продуктивность профессиональной деятельности и научной коммуникации. Использование ИКТ в Рунете повторяет путь их развития в США и Европейских странах, но имеет ряд отличий, среди которых территориальная разбросанность русскоговорящих участников по миру (цифровая диаспора), традиционная централизация ресурсов в Москве и технологическая отсталость удаленных регионов (цифровой разрыв).

Исследования сообществ с точки зрения экономики, социологии, психологии и лингвистики позволяют создавать модели сетевых сообществ (например, Карпинтера, Макмиллана, Ким, Венгера, Лейбова). На их основе возможны анализ

структуры взаимодействия участников сообщества, поиск решений проблем активности пользователей, способов преодоления существующих барьеров. Эти подходы позволяют рассматривать вопросы формирования, поддержки и развития виртуальных сообществ на практическом уровне, как это выполнено нами на примере виртуального исследовательского сообщества – Российской коммуникативной ассоциации.

Список литературы

1. Астляйтнер Г. Дистанционное обучение посредством WWW: социальные и эмоциональные аспекты // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С.333–366.
2. Атабекова А.А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах: Дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2004.
3. Бабаева Ю.Д. Интернет: воздействие на личность / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С.11–39.
4. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета, 2004
5. Борзых А.А. (2004). Процессы, институты и прогнозы среды информационно-коммуникативных сообществ // Информатика сообществ и формирование сетей. Перспективы. Подходы. Инструменты. / Коллектив авторов. М.: Едиториал УРСС, 2004. с. 22-41.
6. Войскунский, А.Е. Социальная и демографическая динамика сообщества русскоязычных пользователей компьютерных сетей / А.Е. Войскунский, Л.Н. Бабанин, О.Н. Арестова // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С.141–191.
7. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Диссертация ... к.филол.н. Волгоград, 2001.
8. Колин К.К. (2000). Фундаментальные основы информатики: социальная информатика: Учеб. пособие. М.: Академический Проект: Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 350 с.
9. Матяш О.И. "Дистанция власти" и внутриорганизационная коммуникация // Персонал МИКС. 2005 № 4-5. С.131-136.
<http://www.rhr.ru/index/sovet/korp/10167,0.html>
10. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика. М.: Наука, 1976. 755 с.
11. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. М., 1968.
12. Моргун Н.Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: Диссертация ... к.ф.н. Тюмень, 2003.
13. Перфильев Ю.Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. М.: Гардарики, 2003. 272 с.
14. Розина И.Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация: теория и практика: монография. М.: Логос, 2005. 439 с.
15. Adams T., Norman C. (2001). *The Internet: Effective online communication*. Harcourt College Publishers.
16. Anderson J.Q. (2005). *Imagining the Internet: Personalities, Predictions, Perspectives*. Rowman & Littlefield
17. Bakardjieva M., & Smith R. (2001). The Internet in everyday life. *New Media and Society*, 3(1), 67-83.
18. Barnes S.B. (2003). *Computer-mediated communication: human to human communication across the Internet*. Allyn and Bacon.
19. Baym N. (2007). Interpersonal Life Online. *Handbook of new media. Social Shaping and Social Consequences of ICTs* (pp.36-54). In Lievrouw, L., Livingstone, S. (Eds.). London: Sage Publication.
20. Becerra M. (2008). Information Society Policies: The Digital Divide after the World Summit. *Communication and Cultural Policies in Europe*. I. Fernandez Alonso, M. Moragas i Spa (Eds). Generaliat de Catalunya, Department de la Presidencia.

21. Beniger J.R. (1987). Personalization of mass media and the growth of pseudo-community. *Communication Research*. 14 (3), 352–371.
22. Bermejo F. (2007). *The Internet audience: construction and measurement*. (Digital formations, v.35). New York: Peter Lang.
23. Bowles A. (2006). The changing face of the RuNet. In H. Schmidt, K. Teubener & N. Konradova (Eds.), *Control + Shift. Public and private usages of the Russian Internet* (pp. 21-33). Norderstedt: Books on Demand at http://www.ruhrunibochum.de/russ-cyb/library/texts/en/control_shift/Bowles.pdf
24. Brzezinski Zb. (1970). *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. N.Y.
25. Bugeja M. (2005). *Interpersonal divide: the search for community in a technological age*. NY: Oxford University Press.
26. Butsch R. (2008). *The Citizen Audience: Crowds, Publics, and Individuals*. NY: Routledge.
27. Cairncross F. (2002). The Roots of Revolution. *Living in the information age: a new media* (pp.3–7). Ed. by Erik P. Bucy. Wadsworth / Tomson Learning.
28. Carpentier N. (2007). Theoretical frameworks for participatory media. *Media technologies and democracy in an enlarged Europe*. The intellectual work of the 2007 European media and Communication doctoral summer school (pp. 105-122). Tartu University Press.
29. Castells M. (1996, second edition, 2000). *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I*. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.
30. Castells M. (2002). *The Internet Galaxy, Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford: Oxford University Press.
31. Cerulo K (1997). Reframing sociological concepts for a brave new (virtual?) world. *Sociological Inquiry*, 67 (1), 48-58.
32. Crystal D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Crystal D. (2004) *The Language Revolution*. Cambridge: Poliy Press.
34. Danet B., Herring S. (2007). *The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online* (Eds.). New York: Oxford University Press.
35. Dear M.J., Schockman, H., & Hise G. (1996). *Rethinking Los Angeles*. Thousand Oaks, Ca: Sage.
36. Fidler R. (2002). Principles of Mediamorphosis. In Erik P. Bucy (Ed.), *Living in the information age: a new media* (pp.21–29). Wadsworth: Tomson Learning.
37. Gerovich S. (2002). *From newspeak to cyberspeak: A history of Soviet cybernetics*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
38. Gillespie T. (2007). *Wired shut: copyright and the shape of digital culture*. London: The MIT Press Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
39. Gorny E. (2003). *Dynamics of Creativity in Russian Cyberculture*. Presentation at Oxford Internet Institute, 7 March, http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/english/dynamics_of_creativity-oi2003.html. Retrieved on 2009-17-02.
40. Gorny E. (2006). *A Creative History of the Russian Internet*. PHD thesis, Goldsmiths College, University of London. http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_creative_history_runet.pdf
41. Goroshko, O.Ig. (2004). Linguistic Peculiarities of English and Russian Web-Texts. *Linguistica Computazionale*, Italy: Piza University.
42. Graham L. (1993). *Science in Russia and the Soviet Union: A Short History*. Cambridge Mass.: Cambridge University Press.
43. Griffin E. (2000). *A first look at communication theory*. McGraw Hill.
44. *Handbook of new media. Social Shaping and Social Consequences of ICTs* (2007). Lievrouw, L, Livingstone, S. (Eds.). London: Sage Publication.
45. Hiltz S.R., Turoff M (1978). *The Network Nation: Human Communication via Computer*. Reading, MF: Addison-Wesley Publishing Company, Inc.
46. Huff W.S., & Syrczek B. (1997) Town government in cyberspace. In A.M. Cohill & F. Kavanaugh (Eds.), *Community networks: Lessons from Blacksburg, Virginia* (pp. 73-87). Washington, DC: Artech House.
47. Internet usage statistics. The Internet Big Picture. World Internet Users and Population Stats (2008). Internet World Stats. <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

48. Jankovski N. (2007). Creating Community with Media: History, Theories and Scientific Investigation. *Handbook of new media. Social Shaping and Social Consequences of ICTs* (pp.55-74). In Lievrouw, L., Livingstone, S. (Eds.). London: Sage Publication.
49. Johnson S. (1997). *Interface culture: How new technologies transform the way we create and communicate*. New York: Harper Edge.
50. Jones S. (1999). Understanding community in the information age. In P. Mayer (Ed.), *Computer media and communication* (pp.219-240). New York: Wiley.
51. Rice R.E. (2002). *Social Consequences of Internet Use: Access, Involvement, and Interaction*. London: MIT Press Cambridge, Massachusetts.
52. Katz R.L. (1988). *The Information Society: An International Perspective*. N.Y.: Praeger.
53. Kim Amy Jo (2000). *Community Building on the Web: Secret Strategies for Successful Online Communities*, Peachpit Press.
54. Kollock P., Smith M. (1999). Communities in Cyberspace. *Communities in Cyberspace*. Marc Smith and Peter Kollock (Eds). London: Routledge.
55. Lejbov R. (2006). Expert communities on the Russian Internet: Typology and history. In H. Schmidt, K. Teubener & N. Konradova (Eds.), *Control + Shift. Public and private usages of the Russian Internet* (pp.91-105). Norderst ed.: Books on Demand at http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/control_shift/Lejbov.pdf.
56. Levy P. (1997) *Collective Intelligence: Mankind's emerging world in cyberspace* (R. Bononno, Trans.). New York: Plenum Press.
57. Machlup F. (1962). *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton: Princeton University Press.
58. Masuda Y. (1980). *The Information Society as Post-Industrial Society*. Tokyo: Institute for the Information Society.
59. McLuhan M. (1962). *The Gutenberg Galaxy*. NY: Mentor.
60. McMillan S. (2007). Exploring Models of Interactivity from Multiple Research Traditions: Users, Documents and Systems. *Handbook of new media. Social Shaping and Social Consequences of ICTs* (pp.205-229). In Lievrouw, L., Livingstone, S. (Eds.). London: Sage Publication.
61. McQuail D. (2007) Communication and technology: beyond determinism. *Media technologies and democracy in an enlarged Europe*. The intellectual work of the 2007 European media and Communication doctoral summer school (pp. 27-40). Tartu University Press.
62. Meyrowitz J. (1985). *No Sense of Place*. Oxford: Oxford University Press.
63. MIG (2005), Management Innovation Group. *Social media introduce new models of value creation* (Retrieved on 10.03.2009 from http://www.managementinnovationgroup.com/docs/MIG_Social_Media_Poster.pdf).
64. Porat M., Rubin M. (1978). *The Information Economy: Development and Measurement*. Office of Telecommunications Special Publication 77-12. U.S. Department of Commerce. U.S. Government Printing Office. Washington, DC.
65. *Preservation of Linguistic Diversity: Russian Experience* (2008). M.: Interregional Library Cooperation Centre. 120 p. http://ifapcom.ru/files/publications/sb_eng.pdf
66. Putnam R. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Shuster.
67. Rheingold H. (1996). The Virtual Community. Making Connections. *Reading in Relational Communication* (pp.295-299). K.M. Galvin and P. Cooper (Eds). Roxbury Publishing Company.
68. Rice R., Haythornthwaite C. (2007). Perspectives on Internet Use: Access, Involvement and Interaction. *Handbook of new media. Social Shaping and Social Consequences of ICTs* (pp.92-113). In Lievrouw, L., Livingstone, S. (Eds.). London: Sage Publication.
69. Rogers E.M. (2003). *Diffusion of Innovations*, 5th ed. New York, NY: Free Press.
70. Rosenberg R. (2004) *The Social Impact of Computers: Third Edition*, California: Elsevier Academic Press.
71. Russian-cyberspace.org. Russian Internet Studies research group. <http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/project/ru/opisanie.htm>.
72. Sapienza, F.A. (1999). Communal ethos on a Russian emigre web site. *Javnost – The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*, VI (4), 39-52.

73. Sawyer, S. & Rosenbaum H. (2000). Social informatics in the information sciences: Current activities and emerging directions. *Informing Science*. 3 (2), 89-95. Available at <http://www.inform.nu/Articles/Vol3/v3n2p89-96r.pdf>
74. Schmidt, H., Teubener, K. & Zurawski N. (2006). Virtual (re)unification? Diasporic cultures on the Russian Internet. In H. Schmidt, K. Teubener & N. Konradova (Eds.), *Control + Shift. Public and private usages of the Russian Internet* (pp. 121-130). Norderstedt: Books on Demand at: http://www.ruhr-unibochum.de/russ-cyb/library/texts/en/control_shift/Schmidt_Teubener_Zurawski.pdf. Retrieved on 2009-17-02.
75. Schmidt, H., Teubener, K. (2006) "Our RuNet"? Cultural Identity and Media Usage / In H. Schmidt, K. Teubener & N. Konradova (Eds.), *Control + Shift. Public and private usages of the Russian Internet* (pp. 14-21). http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/control_shift/Schmidt_Teubener_Identity.pdf. Retrieved on 2009-17-02.
76. Shapiro C., Varian H.R. (1999). *Information Rules*. Harvard Business Press.
77. Taylor, J.R. (2001). *The computerization of work: A communication perspective* / by J.R. Taylor et al. Sage Publication, Inc.
78. *The World Almanac and book of facts* (2009). World Almanac Books.
79. Thurlow C., Lengel L., Tomic A. (2004). *Computer-mediated communication: Social interaction and the Internet*. Sage Publications.
80. Toffler A. (1980). *The Third Wave*. N.Y.
81. Van Dijk J. (1999; 2006). *The network society: Social aspects of new media (De Netwerkmaatschappij* (1991), L. Spoorenberg, Trans.). Thousand Oaks, CA: Sage.
82. Voiskounsky, A.E. (2008 a). Cyberpsychology and computer-mediated communication in Russia: Past, present and future. *Russian Journal of Communication*, 1 (1), 78-94.
83. Voiskounsky, A.E. (2008 b). Flow experience in cyberspace: Current studies and perspectives. In A. Barak (Ed.), *Psychological aspects of Cyberspace: Theory, Research, Applications* (pp. 70-101). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
84. Vygotsky L.S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
85. Vygotsky, L.S. (1962). *Thought and language*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
86. Walther J. (1996). When Is Mediated Communication Not Personal? / J. Walther, L. Tidwel. In K.M. Galvin, P.J. Cooper (Eds). (pp.300-307). *Making Connections: Readings in Relational Communication*. Roxbury Publishing Company.
87. *Washington ProFile*. 27 февраля 2009. #11(956) www.washprofile.org
88. Webster F. (2002). *Theories of the Information Society*. London: Routledge.
89. Webster F. (Ed.) (2003). *The Information Society Reader*. London: Routledge.
90. Wellman B. (2001). Physical place and cyberspace: The rise of networked individualism. *International Journal of Urban and Regional Research*, 25(2), 227-252.
91. Wellman B. (2004). The Three Ages of Internet Studies: Ten, Five and Zero Years Ago. *New Media Society*, 6, 123-129.
92. Wellman B., Haase, A.Q, Witte, I., & Hampton, K. (2001). Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? *American Behavioral Scientist*, 45(3), 436-455.
93. Wenger E. (1999) *Communities of Practice. Learning, meaning and identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
94. Wenger E. (2002). *Cultivating communities of practice: a guide to manage knowledge*. Harvard Business School Press.
95. Wood A.F., Smith M.J. (2001). *Online Communication: Linking Technology, Identity & Culture*. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.
96. Gurstein M. (2007). What is Community Informatics (and Why Does It Matter)? Milan, Italy: Polimetrica.
97. Мирская Е. Интернет и наука: технологии глобализации и российская реальность / Под ред. И. Семенова, Интернет и российское общество. М.: Карнеги центр, 2002. С. 211-234 (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/66490.htm>).
98. Кузнецов С. Ощупывая слона: Заметки по истории русского Интернета. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
99. Мюррей К. Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войкунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 132-140.

100. Патаракин Е.Д., Ярмахов Б.Б. Веб 2.0 – управление, изучение и копирование) // Educational Technology & Society 10(2). 2007. С.245-258.
101. Патаракин Е.Д., Ярмахов Б.Б. Повседневная сетевая культура как решение классификационных задач // Educational Technology & Society 10(2) 2007. С. 259-272.
102. Wiener N. (1948) Cybernetics: Or the Control and Communication in the Animal and the Machine. Paris, France: Librairie Hermann & Cie, and Cambridge, MA: MIT Press. Cambridge, MA: MIT Press.
103. Пенская Е. Академическое гастарбайтерство. Русский журнал. 13.02.09 <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Akademicheskoe-gastarbajterstvo>.
104. Перфильев Ю.Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. М.: Гардарики, 2003. 272 с.
105. Летопись русского Интернета: 1990-1999. Составитель Евгений Горный, 2000.
106. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М.: Изд-во РУДН, 2004.
107. Global Internet Statistics (by Language) (2004) <http://web.archive.org/web/20041011043725/http://www.glgreach.com/globstats/index.php3>
108. Жичкина А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
109. Мирская Е. Интернет и наука: технологии глобализации и российская реальность / Под ред. И. Семенова, Интернет и российское общество. М.: Карнеги центр, 2002. С. 211-234 (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/66490.htm>).
110. Csikszentmihaly M. (1990). *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. NY: Harper Perennial.
111. Weik K.E. (1979). *The social psychology of organizing*. 2nd ed. Reading, MA: Addison-Wesley.